

Научная специальность

12.00.09 «Уголовный процесс»

12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность»

УДК 343.148

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2020.4.100>

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ОСОБЫЙ СПОСОБ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

© **Россинский С. Б., 2020**

Московский государственный юридический университет, г. Москва, Россия

Настоящей статьей автор продолжает цикл своих публикаций, посвященных проблемам доказывания в досудебном производстве по уголовному делу. Рассматривается один из наиболее дискуссионных процессуальных способов установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, – судебная экспертиза. Сравниваются наиболее распространенные способы собирания доказательств в досудебном производстве: судебная экспертиза и следственные действия. Последовательно выявляются и анализируются ее сущностные признаки, предопределяющие ее особый характер и особое место в общей системе познавательных приемов, находящихся в арсенале органов предварительного расследования. В качестве таковых признаков выделяются: а) потребность в использовании специальных знаний; б) обязательное привлечение эксперта как особого участника уголовно-процессуальных отношений; в) необходимость проведения исследований и формулирования экспертных выводов; г) усложненная уголовно-процессуальная форма; д) формирование особого средства уголовно-процессуального доказывания – заключения эксперта. Отдельно обращается внимание на достаточно серьезные процессуальные возможности эксперта, напоминающие не столько права участников уголовного судопроизводства, предусмотренные гл. 8 УПК РФ, сколько юрисдикционные полномочия органов предварительного расследования и суда. Выдвинуто предположение, что предоставленная эксперту возможность оценивать фактическую доброкачественность объектов исследования и их совокупную достаточность для формулирования определенных выводов уподобляет его своеобразному научному судье, т. е. той роли, которую более 150 лет назад предрекал известный немецкий ученый К. Миттермайер. Судебная экспертиза определяется как весьма оригинальная, в определенной степени даже уникальная процессуальная технология, направленная на установление (доказывание) обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Ключевые слова: заключение эксперта, собирание доказательств, специальные знания, судебная экспертиза, уголовно-процессуальное доказывание, эксперт.

Проблемы использования специальных знаний, в первую очередь проведения судебных экспертиз, всегда привлекали внимание ученых в области уголовного судопроизводства. Особую актуальность они приобрели в последние годы ввиду появления новых («нетрадиционных») родов и видов экспертных исследований, расширения круга субъектов судебно-экспертной деятельности за счет негосударственного сектора, а также попыток унификации требований, предъявляемых к назначению судебных экспертиз и подготовке соответствующих экспертных заключений в различных юридических процессах. Однако и многие более «традиционные» вопросы, касающиеся указанной проблематики, тоже пока еще не получили окончательного разрешения, продолжая побуждать к бурной научной полемике и оказывая самое негативное влияние на дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики.

Вплоть до настоящего времени в отечественной доктрине даже не сложилось единого понимания сущности судебной экспертизы, в связи с чем от формулирования соответствующей нормы-дефиниции уклоняется и законодатель (подобную норму, но предполагающую не сугубо уголовно-процессуальный, а более общий, межотраслевой характер, можно найти лишь в ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹, где судебная экспертиза определяется весьма пространно – как предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла). Бесспорными признаются лишь следующие

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ.

признаки судебной экспертизы: а) ее безусловный процессуальный характер, детерминированный наличием четко регламентированной УПК РФ формы и подразумевающий жесткие гарантии юридической доброкачественности получаемых результатов; б) ее познавательная направленность, выраженная в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела; в) доказательственное значение ее результатов, представляемых в виде экспертного заключения; г) возможность ее производства лишь при необходимости использования специальных знаний [6, с. 3–19; 9, с. 140–173; 13, с. 11–74; 16, с. 9–20; 26, с. 3–7 и др.]. Остальные вопросы, позволяющие уяснить сущность судебной экспертизы и, наконец, сформулировать ее легальную дефиницию, пока не предполагают однозначных ответов.

В настоящее время по этому поводу имеется две основных доктринальные позиции. Сторонники первой считают судебную экспертизу специфическим следственным действием. В целом ряде научных работ, выполненных на стыке уголовного процесса и криминалистики, отмечается, что несмотря на множество процедурных особенностей, обусловленных потребностью в использовании специальных знаний и участием эксперта как автономного субъекта-познавателя, судебная экспертиза была, есть и остается типичным способом собирания доказательств по уголовному делу, поэтому подлежит безусловному включению в систему следственным действием. Подобные позиции можно встретить в публикациях Г. А. Абдумаджидова, И. Е. Быховского, В. М. Быкова, В. А. Семенцова, В. Ю. Стельмаха и других ученых [1, с. 116; 3, с. 187; 4, с. 15; 21, с. 78; 23, с. 23 и др.]. Такого же мнения придерживаются и авторы большинства современных учебников по уголовно-процессуальному праву. В этой связи Е. А. Зайцева пишет, что деятельность эксперта является неотъемлемой частью следственного действия – назначения и производства экспертизы, представляющего сложную комплексную операцию, включающую процессуальные приемы следователя и других лиц, вовлекаемых в процедуру получения нового доказательства – заключения эксперта [9, с. 102]. Отдельные специалисты к следственным действиям относят не всю судебную экспертизу в целом, а лишь порядок ее назначения [17, с. 36; 22, с. 11]. В обоснование подобной позиции О. Я. Баев отмечал, что сама по себе экспертиза – лишь научное исследование представленных следователем объектов, предполагающее методику, а не тактику производства [2, с. 206].

Представители противоположной позиции стараются, наоборот, отграничить судебную

экспертизу от следственных действий и наделить ее автономным процессуальным значением. Иными словами, под судебной экспертизой авторы понимают не специфическое следственное действие, а иной процессуальный механизм, направленный на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и обуславливающий появление нового доказательства – заключения эксперта. Например, Ю. Г. Корухов называл судебную экспертизу самостоятельным процессуальным приемом формирования новых, проверки либо уточнения существующих доказательств. Автор подчеркивал, что познавательная автономность судебной экспертизы детерминирована особым характером ее назначения, проведения исследований и оформления результатов [12, с. 4]. Схожие позиции встречаются в публикациях А. В. Кудрявцевой, С. Ф. Бычковой, В. Ю. Шепитько и других ученых [5, с. 203; 13, с. 22; 25, с. 236 и др.].

Достаточно интересную точку зрения по этому вопросу имел С. А. Шейфер. Он писал, что экспертизу в целом нельзя считать следственным действием ввиду несоответствия экспертной деятельности сложившемуся в науке представлению о следственном действии. Вместе с тем рассмотрение экспертизы как полностью автономного способа процессуального познания автор признавал большой ошибкой. Свое мнение С. А. Шейфер аргументировал невозможностью фактического разделения элементов деятельности следователя и эксперта, осуществляемых в условиях неразрывного единства и образующих сложный процессуально-познавательный комплекс. В итоге ученый указывал на особое место судебной экспертизы в системе следственных действий, определяя ее как опосредованную и длительную познавательную деятельность, направляемую следователем и осуществляемую экспертом по его заданию [24, с. 6–7]. Близких взглядов придерживаются Ю. Л. Дяблова и О. Г. Дьяконова, которые пишут о процедуре назначения и производства судебной экспертизы как о некоем комплексном следственно-экспертном действии [7, с. 166–167; 8, с. 135].

Будучи активным участником данной дискуссии, автор настоящей статьи всегда придерживался позиции, предполагающей автономный характер судебной экспертизы, являлся противником включения этого процессуально-познавательного механизма в систему следственных действий, спорил с учеными, высказывающими противоположные мнения. Хотя ради справедливости следует признать, что указанная полемика в некотором смысле имеет условный характер, детерминированный отсутствием единообразного понимания самих след-

ственных действий. Ведь наша позиция исходит из узкого подхода к сущности следственных действий, из их рассмотрения как российских аналогов классической французской категории *actes d'instruction* (действий судебно-следственного характера, направленных на познание полезной информации и связанных с формированием доказательств). Тогда как при использовании широкого подхода, подразумевающего под следственными действиями любые формы активного поведения субъектов, осуществляющих предварительное расследование, подобные дискуссии вообще теряют всякий смысл. Кстати, в этой связи весьма интересной и оригинальной всегда представлялась точка зрения одного из самых известных специалистов в области судебно-экспертного обеспечения уголовного судопроизводства – профессора Ю. К. Орлова. Ученый вообще не придавал данной проблеме никакого значения, считая участие в ее обсуждении бесполезной тратой времени. Он полагал, что решение указанного вопроса никоим образом не сможет повлиять ни на дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства, ни на оптимизацию правоприменительной практики¹. Поэтому в одних работах ученый называл судебную экспертизу следственным [16, с. 10], а в других – особым процессуальным действием [15, с. 5].

И тем не менее, отказ от рассмотрения данной проблемы и участия в соответствующих дискуссиях представляется ошибкой. На наш взгляд, именно различия следственных действий и судебных экспертиз позволяют наиболее точно уяснить и осмыслить сущность последних, определить их подлинное место в общей системе способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве. Тем более что, несмотря на процессуальный характер, познавательную направленность и доказательственное значение судебных экспертиз, положения УПК РФ, определяющие их сущность, назначение, производство и оформление результатов, весьма сильно контрастируют с общими и частными правилами проведения следственных действий. Они заключаются в следующем:

1. *Судебная экспертиза – это форма использования специальных знаний.* Поэтому в отличие от следственных действий потребность в ее производстве возникает лишь в случаях, вы-

ходящих за пределы познавательных возможностей должностных лиц органов дознания и предварительного следствия.

Вообще под специальными знаниями в уголовном процессе (кстати, как и в любом другом юридическом процессе) принято понимать любые знания, умения или навыки в области науки и техники, искусства и ремесла, приобретенные в ходе специального образования и (или) практической деятельности [11, с. 6; 18, с. 7 и др.]. Вместе с тем к специальным не относятся знания, умения или навыки, входящие в профессиональную компетенцию следователей (иных лиц, осуществляющих юрисдикционные полномочия, связанные с собиранием доказательств)².

2. *Производство судебной экспертизы предполагает обязательное привлечение особого участника уголовно-процессуальных отношений – эксперта.* В отличие от следственных действий при проведении экспертного исследования именно на него (эксперта) возложена основная роль субъекта-познавателя. Именно он, используя необходимые специальные знания и применяя соответствующие экспертные методики, непосредственно взаимодействует с объектами – носителями полезной информации, получает какие-либо сведения, не подлежащие восприятию «невооруженным глазом» следователя, и формирует на их основе новые доказательства. Тогда как сам следователь субъектом-познавателем не является; он довольствуется лишь управляющей ролью субъекта-распорядителя, осуществляющего функцию внешней координации судебно-экспертной деятельности. В этой связи С. А. Шейфер справедливо писал, что именно следователь определяет предмет, программу и объекты предстоящего экспертного исследования, осуществляет контроль за его научностью, полнотой и объективностью, обеспечивает законные интересы подозреваемого, обвиняемого, других участников досудебного производства и т. д. [24, с. 7]. Но вместе с тем все эти действия сами по себе не подразумевают ни вербального или «невербального» восприятия сведений об обстоятельствах,

¹ Данную позицию Ю. К. Орлова вряд ли можно обнаружить хотя бы в одной из его многочисленных работ по проблемам судебной экспертизы. Она скорее угадывается при сопоставлении иных посылов ученого. Однако автору настоящей статьи эта позиция хорошо известна ввиду длительной совместной работы на одной кафедре и близкой дружбы с покойным профессором, позволивших неоднократно обсуждать указанные проблемы в ходе устных бесед и научно-представительских мероприятий.

² В настоящее время ввиду многообразия существующих механизмов правового регулирования и стремительного научно-технического прогресса в теории и правоприменительной практике ощущаются большие трудности, связанные с правильным определением критериев для разграничения специальных, общеизвестных и юридических знаний. Например, некоторые специализированные знания в области права (пожарной безопасности, строительных норм и правил, бухгалтерского учета и аудита и т. п.) вряд ли входят в содержание высшего юридического образования, поэтому на практике вполне предполагают проведение соответствующих экспертных исследований. Однако нам не хотелось бы углубляться в данные проблемы как несколько выходящие за предмет настоящей статьи и традиционно рассматриваемые в публикациях по судебной экспертистологии [16, с. 10; 18, с. 10–24; и др.].

входящих в предмет доказывания, ни формирования мысленных образов, ни построения на их основе соответствующих умозаключений (формулирования выводов), а направлены на обеспечение надлежащих организационно-правовых условий работы эксперта.

Указанная особенность приобретает принципиальный смысл ввиду специфического места эксперта в уголовно-процессуальных правоотношениях. Действующий закон относит его к так называемым иным участникам уголовного судопроизводства – вспомогательной группе, призванной оказывать суду и сторонам содействие в осуществлении возложенных на них процессуальных функций (гл. 8 УПК РФ). Таким образом, эксперт – это не просто альтернативный познаватель, каким, например, является орган дознания, выполняющий поручения следователя в порядке ч. 4 ст. 157 УПК РФ или прослушивающий по его заданию телефонные либо иные переговоры в порядке ч. 4 ст. 186 УПК РФ. Это лицо, имеющее по сравнению со следователем иную функциональную направленность – он не субъект уголовной юрисдикции, осуществляющий уголовное преследование; в его задачи не входит изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении инкриминируемого преступления.

Не в последнюю очередь различия в процессуальном положении следователя и эксперта предопределены подробно рассмотренным особым, самобытным характером российской системы досудебного производства, предполагающей помимо прочего возложение на органы предварительного расследования несвойственной для них функции обвинения (кстати, именно в этом нюансе во многом и кроются причины критики организационно-правовых основ судебно-экспертной деятельности со стороны правозащитников и либерально настроенных представителей юридической корпорации). Однако процессуальный статус эксперта предполагает и еще одну существенную деталь, присущую уже не только российскому досудебному производству, а свойственную для многих современных государств, придерживающихся континентальной (романо-романской) модели предварительного расследования. Она заключается в относительной независимости эксперта от следователя, в построении их взаимоотношений на принципах своеобразного публично-правового «партнерства», выраженного в жестком разграничении и невозможности смешения либо перераспределения их процессуальных ролей. Конечно, говорить об абсолютной юридической автономности судебно-экспертной деятельности было бы наивно

и неправильно. В конце концов, именно следователю принадлежит исключительное право на издание специального государственно-властного распорядительного акта – постановления о назначении судебной экспертизы. Именно он как субъект-распорядитель уполномочен выбрать экспертное учреждение (эксперта), определить перечень объектов предстоящего исследования, сформулировать подлежащие разрешению вопросы и т. д., а впоследствии – проверить и оценить подготовленное заключение на предмет юридической доброкачественности для использования в доказывании по уголовному делу. Кроме того, абсолютная автономность судебно-экспертной деятельности не может быть достигнута и ввиду объективно существующих факторов организационного характера, например материальной зависимости судебно-экспертных учреждений от надлежащего финансирования проводимых исследований и (или) прямого подчинения многих из них государственным органам, одновременно уполномоченным на производство предварительного расследования.

Но само содержание экспертизы, в частности выбор надлежащей экспертной методики и необходимых технических средств, проведение требуемых действий (измерений, вычислений, сравнений, опытов и др.), выполнение аналитических операций (анализа, синтеза, дедукции, индукции и др.), а также формулирование соответствующих выводов характеризуется процессуальной самостоятельностью эксперта, находится в зоне его ответственности и никоим образом не может быть поставлено в некую зависимость от властно-распорядительных указаний следователя. Согласно ст. 197 УПК РФ следователь лишь вправе присутствовать при проведении экспертных исследований и получать от эксперта разъяснения по поводу производимых им действий.

Рассматривая указанный вопрос, следует обратить внимание на позицию Е. А. Зайцевой. Автор не без оснований пишет, что судебная экспертиза – далеко не единственный процессуальный прием, сопряженный с передачей следователем своей роли субъекта-познавателя другому лицу. В качестве примера она указывает на предусмотренную ч. 4 ст. 179 УПК РФ возможность производства рабочего этапа освидетельствования специалистом-врачом и последующего составления протокола с его слов [9, с. 101]. Вместе с тем подобный тезис, равно как и иллюстрирующий его пример, представляется не совсем состоятельным. Эксперта никоим образом нельзя сравнивать с врачом или любым другим специалистом, участвующим

в процессуальных действиях исключительно для оказания научно-технической помощи следователю, не способному воспринимать полезные сведения «невооруженным глазом» и фиксировать их «невооруженной рукой» (в приведенном примере под такой «невооруженностью» понимается продиктованная принципом уважения чести и достоинства личности недопустимость обнажения осматриваемого лица противоположного пола). В отличие от эксперта специалист является не столько самостоятельным субъектом-познавателем, сколько посредником, обеспечивающим возможность получения полезной информации, находящейся вне зоны восприятия следователя, а его участие в следственных действиях не предполагает формирования особого вида доказательств. Кстати, и сама Е. А. Зайцева в более поздних публикациях, ссылаясь на свою ученицу Н. А. Раимжанову, пишет, что потребность в привлечении специалиста диктуется лишь процессуальным, технологическим и правообеспечительным критериями [10, с. 20].

3. *Производство судебной экспертизы предполагает обязательность проведения исследования и формулирования экспертных выводов*, что прямо вытекает из содержания ч. 1 ст. 80 и ч. 1 ст. 204 УПК РФ. С одной стороны, этот постулат известен каждому специалисту, тем более ученому, и описан в любом учебнике по уголовному процессу, криминалистике и судебной экспертиологии. Но с другой стороны, многие авторы, по всей вероятности, не придают большого значения глубокому смыслу указанных положений закона, не уделяют должного внимания аргументационно-логическому аспекту работы судебного эксперта, скрывающемуся за, казалось бы, безобидными формулировками: «экспертное исследование» и «экспертные выводы», т. е. не освещают эти вопросы в контексте механизмов доказывания в целом и собирания доказательств частности. В противном случае вряд ли кто-нибудь из ученых стал бы настаивать на включении судебных экспертиз в число следственных действий, по крайней мере, в их узком понимании (как аналогов французской категории “actes d’instruction”).

И здесь стоит напомнить, что мы уже неоднократно писали о доказывании как о сложном комплексе предусмотренных нормами УПК РФ познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов, осуществляемых различными участниками уголовного судопроизводства в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [19, с. 86]. При этом следственные действия как основные способы собирания доказательств

в досудебном производстве позволяют лишь устанавливать и фиксировать для последующих воспринимателей, в частности для суда, какую-либо полезную информацию, имеющую значение для уголовного дела. Иными словами, следственные действия выражают исключительно познавательно-удостоверительную сторону доказывания (восприятие и протоколирование накапливаемых сведений, имеющих значение для уголовного дела) – они не предполагают логического анализа накапливаемой информации и формулирования выводов, а сводятся лишь к ее констатации («что вижу, слышу и т. д., то и записываю в протокол»). Тогда как к умственной «обработке» полученных сведений (в частности доказательств), т. е. к мыслительным операциям, умозаключениям, выводам, следователь переходит несколько позднее – уже после проведения следственного действия. А результаты подобной умственной работы, начавшейся еще в ходе следственного действия (что вполне естественно для нормального человека), занесению в протокол не подлежат.

Такой порядок работы с доказательствами в уголовном процессе представляется вполне закономерным и понятным. Ведь следователь не локальный субъект доказывания, не лицо, привлекаемое к участию в досудебном производстве для выполнения разовой роли или решения какой-либо частной задачи, возникающей в ходе возбуждения уголовного дела либо предварительного расследования. Юрисдикционная природа реализации следственной власти в российском уголовном процессе предполагает длительность и устойчивость соответствующих правоотношений на протяжении всего досудебного производства, в том числе полноценное участие следователя на всех этапах доказывания. А это, в свою очередь, предопределяет возможность и даже целесообразность осуществления умственной деятельности (рационального мышления) следователя вне жестких связей с механизмами накопления (восприятия и фиксации) соответствующих сведений, т. е. «в любое удобное время». Более того, далеко не все доказательства и прочие сведения вообще являются результатами следственных действий; многие из них попадают в уголовное дело уже в готовом виде [20, с. 42–43]. И, таким образом, следователю как постоянному субъекту-распорядителю досудебного производства нет никакой надобности втискивать свои аргументационно-логические операции, умозаключения и выводы в рамки следственных действий, а законодателю – поощрять подобный подход в УПК РФ.

Другое дело – проведение судебной экспертизы. В отличие от следователя эксперт – это локальный участник досудебного производства,

привлекаемый только для решения разовой задачи, выраженной в установлении посредством специальных знаний определенных обстоятельств и формировании единственного доказательства. По завершении исследований и представления подготовленного им заключения, т. е. после выполнения своих публично-правовых обязательств перед органами предварительного расследования, эксперт в целом выбывает из уголовного дела. Сохраняется лишь возможность его дальнейшего кратковременного участия в отдельных правоотношениях, возникающих по факту проведенной судебной экспертизы (например, его последующего допроса в порядке ст. 205 и 282 УПК РФ, возмещения процессуальных издержек в порядке п. 4, 7 ч. 2 ст. 131 УПК РФ и т. д.). В остальном эксперт прекращает какое-либо процессуальное сотрудничество со следователем и перестает быть субъектом, вовлеченным в процесс доказывания. А другие, в том числе и дополнительные, судебно-экспертные исследования, порученные ему по тому же уголовному делу, подразумевают постановку иных разовых задач и порождают возникновение принципиально нового локального раунда правоотношений, никак не связанных с правоотношениями, касающимися предыдущих экспертиз¹.

В подобных условиях эксперту приходится не просто накапливать полезные сведения, а производить готовый и законченный продукт, т. е. фрагмент истинного знания, основанный на полноценных выводах, сделанных по результатам необходимых научно-практических исследований. Иными словами, в отличие от сугубо познавательно-удостоверительных следственных действий судебная экспертиза является уголовно-процессуальным приемом (действием), включающим как познавательно-удостоверительные, так аргументационно-логические элементы доказывания. А заключение эксперта – единственное доказательство, сформированное не посредством простого восприятия и фиксации полезных сведений, а более сложным путем, предполагающим собственную умственную деятельность (рациональное мышление) данного участника уголовного судопроизводства. Важнейшим атрибутом экспертного заключения – совершенно справедливо писал Ю. К. Орлов – является вывод, представляющий квинтэссенцию результатов проведенных исследований. Автор подчеркивал, что именно

подобный вывод (прежде всего, его логическая форма) определяет доказательственную ценность заключений эксперта, а его логически грамотное обоснование – возможность надлежащей оценки и использования органами предварительного расследования и судом [14, с. 5–6].

Таким образом, в части выполнения стоящих перед ним задач эксперт наделен достаточно серьезными процессуальными возможностями, напоминающими не столько права иных участников уголовного судопроизводства, определенные гл. 8 УПК РФ, сколько юрисдикционные полномочия органов предварительного расследования и суда. Законодатель уполномочивает эксперта на оценку фактической доброкачественности объектов экспертного исследования и их совокупной достаточности для формулирования определенных выводов. Иными словами, эксперт – это не просто субъект, оказывающий содействие следователю в накоплении (познании) и фиксации (удостоверении) полезных сведений; в определенной степени он сам является своеобразным установителем (доказывателем) отдельных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и учитываемых при постановлении приговора либо издании иного правоприменительного акта, т. е. как бы выступает в той самой роли научного судьи, которую более 150 лет назад предрек известный немецкий ученый К. Миттермайер.

4. *Для судебной экспертизы предусмотрена усложненная уголовно-процессуальная форма.* Данная особенность закономерно вытекает из рассмотренного выше специфического характера судебно-экспертной деятельности, заключающейся в проведении научно-практических исследований и формулировании соответствующих выводов. Особый статус результатов судебной экспертизы как готового, законченного и обоснованного фрагмента истинного знания закономерно требует существования дополнительных юридических гарантий, обеспечивающих компетентность эксперта, надежность применяемой методики, право заинтересованных лиц на «доступ» к проводимому исследованию и т. д. Достаточно вспомнить, что только процедура назначения судебной экспертизы предполагает необходимость предварительного ознакомления подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей с соответствующим постановлением (ч. 3 ст. 195 УПК РФ). Только в части судебной экспертизы указанные лица наделены дополнительными процессуальными правами (ст. 198 УПК РФ). А экспертное заключение – это единственное доказательство, предъявляемое для ознакомления всем заинтересованным участникам не по окон-

¹ В этой связи представляется ошибочной позиция, изложенная в известном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», посвященная близким вопросам, но возникающим не в следственной, а в судебной практике. Так, из смысла п. 17 указанного документа фактически вытекает тезис об отсутствии необходимости признания лица экспертом в случае, если ранее оно уже участвовало в том же качестве по тому же уголовному делу.

чании досудебного производства, а непосредственно после его получения (ст. 206 УПК РФ).

Кстати, в этой связи следует в очередной раз стоит обратить внимание на высказанную по данному поводу позицию Е. А. Зайцевой. Вступая с нами в полемику по поводу места судебной экспертизы в общей системе досудебных способов процессуального доказывания, она не расценивает вышеуказанные гарантии как некие уникальные особенности, не свойственные для иных познавательных приемов, находящихся в арсенале органов предварительного расследования. Уважаемый автор пишет, что процедура предварительного ознакомления с постановлением присуща и обыску (выемке) в жилом помещении, а предъявление для прочтения участвующими лицами протокола – это атрибут, свойственный вообще любому следственному действию [10, с. 20].

Однако согласиться с такой позицией достаточно сложно. Представляется, что в основу позиции Е. А. Зайцевой заложен неверный посыл, предполагающий смешение процессуальных гарантий, установленных для участников всего досудебного производства в целом, с гарантиями, касающимися участников конкретных процессуальных действий. Причем для понимания допущенной ошибки достаточно ограничиться рассмотрением приводимого примера с постановлением о производстве обыска (выемки) в жилище. Безусловно, указанный документ предъявляется для ознакомления, но не заинтересованным участникам уголовного судопроизводства (подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и пр.), а лицам, находящимся в подлежащем обследованию помещении, т. е. будущим участникам следственного действия.

5. *Судебная экспертиза предполагает формирование особого средства уголовно-процессуального доказывания – заключения эксперта*, т. е. представленных в письменном виде содержания исследования и выводов по вопросам, поставленным субъектом уголовной юрисдикции или сторонами (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). Указанное доказательство формируется в соответствии со специальными требованиями, также предопределенными специфическим характером судебной экспертизы как автономного и отличающегося от следственных действий процессуального механизма, направленного на установление сведений, имеющих значение для уголовного дела¹.

¹ Многолетняя практика расследования и судебного разбирательства уголовных дел позволила выработать наиболее оптимальную форму экспертного заключения, состоящего из нескольких частей: подписи эксперта, вводной части, исследовательской части и выводов. См., например: Методические рекомендации по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства Юстиции Российской Федерации, утв. приказом Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 346.

Итак, все вышесказанное позволяет нам понимать под судебной экспертизой весьма оригинальную, в определенной степени даже уникальную, процессуальную технологию, направленную на установление (доказывание) обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. На наш взгляд, *судебная экспертиза представляет собой уголовно-процессуальное действие, осуществляемое по поручению органа предварительного расследования специфическим субъектом уголовного судопроизводства – экспертом, состоящее в проведении посредством специальных знаний необходимых исследований, завершающееся формулированием соответствующих выводов и обуславливающее формирование особого средства доказывания – экспертного заключения.* 

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдумаджидов Г. А. Расследование преступлений (процессуально-правовое исследование). Ташкент : Узбекистан, 1986. 191 с.
2. Баяев О. Я. Основы криминалистики : курс лекций. 2-е изд. М. : Экзамен, 2003. 318 с.
3. Быков В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань : Познание, 2008. 300 с.
4. Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий : учеб. пособие. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1977. 95 с.
5. Бычкова С. Ф. Судебная экспертиза: научные, организационно-правовые и методические основы. Алматы : Жеті Жарғы, 2002. 272 с.
6. Галяшина Е. И., Россинская Е. Р., Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М. : Проспект, 2010. 464 с.
7. Дьяконова О. Г. Некоторые вопросы судебной экспертизы и их отражение в трудах С. А. Шейфера // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 164–172.
8. Дяблова Ю. Л. Место и роль судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Материалы международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М. : Проспект, 2007. С. 131–135.
9. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2010. 424 с.
10. Зайцева Е. А. Опосредованное познание в творческом наследии Семена Абрамовича Шейфера // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 15–22.
11. Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях. М. : Проспект, 2011. 160 с.
12. Корухов Ю. Г. Судебная экспертиза в уголовном процессе : практ. пособие для экспертов и судей. М. : Пресс Бюро, 2012. 79 с.
13. Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск ; СПб., 2001. 497 с.
14. Орлов Ю. К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании: уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. 382 с.
15. Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе : учеб. пособие. М. : ВЮЗИ, 1982. 79 с.
16. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : РФЦСЭ Минюста России, 2005. 261 с.

17. Петуховский А. А., Шурухнов Н. Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий (по УПК РФ 2001 г.): учеб. пособие. М.: ЮИ МВД России, 2002. 86 с.

18. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 735 с.

19. Россинский С. Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 80–87.

20. Россинский С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 39–50.

21. Семенцов В. А. Следственные действия: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 2003. 88 с.

22. Соловьев А. Б. Следственные действия на первоначальном этапе расследования преступлений: методическое пособие. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1995. 40 с.

23. Стельмах В. Ю. Концептуальные основы следственных действий. М.: Юрлитинформ, 2017. 282 с.

24. Шейфер С. А. Система следственных действий: каковы пути ее развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 5–16.

25. Шепитько В. Ю. Криминалистика: курс лекций. 3-е изд. Харьков: Одиссей, 2009. 368 с.

26. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М.: Юрид. лит., 1979. 168 с.

REFERENCES

1. Abdumadzhidov G.A. *Rassledovanie prestuplenij (processualno-pravovoe issledovanie)* [Investigation of crimes (procedural and legal research)]. Tashkent, Uzbekistan, 1986, 191 p. (in Russian)
2. Baev O.YA. *Osnovy kriminalistiki* [Fundamentals of criminalistics: a course of lectures]. 2nd ed. Moscow, 2003, 318 p. (in Russian)
3. Bykov V. M. *Aktualnye problemy ugovolnogo sudoproizvodstva* [Actual problems of criminal proceedings]. Kazan, 2008, 300 p. (in Russian)
4. Bykhovskij I.E. *Processualnye i takticheskie voprosy provedeniya sledstvennykh dejstvij: uchebnoe posobie* [Procedural and tactical issues of conducting investigative actions: a tutorial]. Volgograd, 1977, 95 p. (in Russian)
5. Bychkova S.F. *Sudebnaya ekspertiza: nauchnye, organizacionno-pravovye i metodicheskie osnovy* [Forensic examination: scientific, organizational, legal and methodological foundations]. Almaty, 2002. 272 p. (in Russian)
6. Galyashina E.I., Rossinskaya E.R. *Nastolnaya kniga sud'i: sudebnaya ekspertiza* [Judge's handbook: forensic examination]. Moscow, 2010, 464 p. (in Russian)
7. D'yakonova O.G. *Nekotorye voprosy sudebnoj ekspertizy i ih otrazhenie v trudah Semena Abramovicha Shejfera* [Some questions of forensic examination and their reflection in the works of S.A. Sheifer]. *YUridicheskij vestnik Samarskogo uni-versiteta* [Legal Bulletin of the Samara University], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 164–172. (in Russian)
8. Dyablova YU.L. *Mesto i rol sudebnoj ekspertizy v ugovolnom sudoproizvodstve* [Place and role of forensic examination in criminal trial]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konfe-rencii "Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy v sovremennykh usloviyah"* [Materials of the international scientific-practical conference "Theory and practice of forensic examination in modern conditions"]. Moscow, 2007. pp. 131–135. (in Russian)
9. Zajceva E.A. *Koncepciya razvitiya instituta sudebnoj ekspertizy v usloviyah sostyazatel'nogo ugovolnogo sudoproizvodstva* [The concept of development of the institution of forensic examination in the context of adversarial criminal proceedings]. Moscow, 2010, 424 p. (in Russian)
10. Zajceva E.A. *Oposredovannoe poznanie v tvorchestvom nasledii Semen Abramovicha Shejfera* [Mediated knowledge in the creative heritage of Semen Abramovich Sheifer]. *YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara University], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 15–22. (in Russian)
11. Zinin A.M. *Uchastie specialista v processualnykh dejstviyah* [Participation of a specialist in procedural actions]. Moscow, 2011, 160 p. (in Russian)
12. Koruhov YU.G. *Sudebnaya ekspertiza v ugovolnom processe: prakt. posobie dlya ekspertov i sudej* [Forensic examination in the criminal process: practical. guide for experts and judges]. Moscow, 2012, 79 p. (in Russian)
13. Kudryavceva A.V. *Sudebnaya ekspertiza kak institut ugovolno-processual'nogo prava* [Forensic examination as an institution of criminal procedure law. Dr. dis. sci.]. Chelyabinsk, Sy. Petersburg, 2001, 497 p. (in Russian)
14. Orlov YU.K. *Zaklyuchenie eksperta kak istochnik vyvodnogo znaniya v sudebnom dokazyvanii: ugovolno-processualnye, kriminalisticheskie i logiko-gnoseologicheskie problem* [Conclusion of an expert as a source of inferential knowledge in judicial proof: criminal procedure, criminalistic and logical-epistemological problems. Dr. dis. sci.]. Moscow, 1985, 382 p. (in Russian)
15. Orlov YU.K. *Proizvodstvo ekspertizy v ugovolnom processe* [Production of expertise in the criminal process: textbook allowance]. Moscow, 1982, 79 p. (in Russian)

16. Orlov YU.K. *Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v ugovolnom sudoproizvodstve* [Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings]. Moscow, 2005, 261 p. (in Russian)

17. Petuhovskij A.A., Shuruhnov N.G. *Dokazyvanie v ugovolnom sudoproizvodstve, vidy i poryadok proizvodstva sledstvennykh dejstvij (po UPK RF 2001 g.)* [Proofing in criminal trial, types and procedures for the production of investigative actions (according to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, 2001): a tutorial]. Moscow, 2002, 86 p. (in Russian)

18. Rossinskaya E.R. *Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazh-nom, administrativnom i ugovolnom processe* [Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. 3rd ed.]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2014. 735 p. (in Russian)

19. Rossinskij S.B. *Dokazyvanie po ugovolnomu delu: poznanie ili obosnovanie?* [Evidence in a criminal case: knowledge or justification?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2020, vol. 5, pp. 80–87. (in Russian)

20. Rossinskij S.B. *O strukture ugovolno-processual'nogo dokazyvaniya* [On the structure of criminal procedure evidence]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2017, vol. 5, pp. 39–50. (in Russian)

21. Semencov V.A. *Sledstvennye dejstviya* [Investigative action]. Ekaterinburg, UrGYUA Publ., 2003, 88 p. (in Russian)

22. Solov'ev A.B. *Sledstvennye dejstviya na pervonachalnom etape rassledovaniya prestuplenij* [Investigative actions: a tutorial]. Moscow. 1995. 40 p. (in Russian)

23. Stel'mah V.YU. *Konceptualnye osnovy sledstvennykh dejstvij* [Conceptual foundations of investigative actions]. Moscow, 2017, 282 p. (in Russian)

24. Shejfer S.A. *Sistema sledstvennykh dejstvij: kakovy puti ee raz-vitiya* [System of investigative actions: what are the ways of its development]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2015, vol. 2, pp. 5–16. (in Russian)

25. Shep'it'ko V.YU. *Kriminalistika* [Forensic science: a course of lectures]. 3rd ed. Harkov, 2009, 368 p. (in Russian)

26. SHlyahov A.R. *Sudebnaya ekspertiza: organizaciya i provedenie* [Forensic examination: organization and implementation]. Moscow, 1979, 168 p. (in Russian)

Forensic Expertise as a Special Method of Proving in Predictional Proceedings in Criminal Case

© Rossinsky S. B., 2020

With this article, the author continues the cycle of his publications devoted to the problems of proof in pre-trial proceedings in a criminal case. The article considers one of the most controversial procedural methods of establishing the circumstances that are important for a criminal case – forensic examination. The most common methods of collecting evidence in pre-trial proceedings are compared: forensic examination and investigative actions. Its essential features are consistently identified and analyzed, which predetermine its special character and special place in the general system of cognitive techniques that are in the arsenal of the preliminary investigation bodies. As such signs stand out: a) the need to use special knowledge; b) mandatory involvement of an expert as a special participant in criminal procedural relations; c) the need for research and the formulation of expert conclusions; d) complicated criminal procedure form; e) formation of a special means of criminal procedural proof – an expert opinion. Separately, attention is drawn to the rather serious procedural capabilities of an expert, which resemble not so much the rights of participants in criminal proceedings provided for in Ch. 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, how many jurisdictional powers of the preliminary investigation bodies and the court. It has been suggested that the opportunity given to the expert to assess the actual soundness of the objects of research and their aggregate sufficiency for formulating certain conclusions, likens him to a kind of scientific judge, that is, the role that the famous German scientist K. Mittermeier predicted more than 150 years ago ... The forensic examination is defined as a very original, to a certain extent even a unique procedural technology aimed at establishing (proving) the circumstances that are important for a criminal case.

Keywords: expert opinion; collecting evidence; special knowledge; forensic examination; criminal procedural proof; expert.